

КАК ШУРА НА ОХОТУ ХОДИЛ

Шура проснулся поздно. Наконец-то выходной! И поспать можно, а вечером на охоту сходить. На уток, на вечернюю зорьку. Управился по хозяйству, стал к походу готовиться.

Всё наладил. И одежду, и сапоги высокие, и накомарник, и дёготь от гнуса помазаться. А уж ружьё, патроны, манок — с вечера готовы.

Ну, наконец пора и в путь! Рюкзачок, ружьишко за спину — да и пошёл себе на заветное место. А место это в двух километрах от деревни. Старое русло Чульма — старица по-деревенски.

Почти вся она заросла осокой да камышом, лишь посредине чистая вода. Вот туда и садятся утки отдохнуть и подкормиться.

Выбрал Шура место посуше, залёг, ждёт. А комары, мошкара досаждают. И дёготь мало помогает, и от накомарника толку нет. Терпит Шура, ждёт. Но вот раздвинулась трава, и на чистую воду выплыли утки. Семь штук!

Шура прицелился, нажал курок, промазал. Успокоился, собрался: ба-бах! И давай палить раз за разом. Вот уже пять уток кувыркнулись кверху лапами, а живые и не волнуются, и в камышах не прячутся, и не взлетают.

«Это что же такое? Может, утки эти не дикие вовсе? — мелькнула мысль в голове у Шуры. — Ну да уж что теперь?»

И ещё два раза бабахнул. Без всякой радости подобрал Шура добычу — шесть уток, седьмая где-то потерялась, да и побрёл домой.

А назавтра вся деревня гудела:

— У бабушки Агафьи утки пропали, уж такие гулёны были. Нет бы на речушке кормиться, так они повадились на старицу за два километра шлёпать.

Понял Шура, чьи утки у него в леднике. И мог бы промолчать, но пошёл к бабке Агафье: уток принёс и деньги. А бабка и

деньги взяла, и уток, и на всю деревню криком кричала. Обзавалась, ославила Шуру.

И долго ещё его сельчане ехидненько так спрашивали:

— Ну как, Шура, поохотился?

Долго Шура переживал, но охоту не разлюбил. Охотился.

Только такого конфуза с ним больше не случилось.

УТОЧКА

В те года молодёжи в деревне было много: и парней, и девчат хватало. Первым парнем на деревне Володя считался. Удалой парень, собою хорош, в работе ловок, и спеть, и сплясать мастак. Все девчата от него без ума. А ему все милы. То с одной, то с другой крутит, а всё холостой.

А Аннушка среди девчат ничем не выделялась. Росточек небольшой, полновата, разве только глазищи в пол-лица серые. И глядели эти глазищи на Володю с такой любовью, а он её и в упор не видел. Аннушка на пять лет была моложе, а кто малявок всерьёз принимает? Так и шло время.

Володя был заядлым охотником. Вот пошёл он раз на болото уток пострелять. День какой-то выдался неудачный. Ходил, ходил — нет добычи. Нашёл сухое место, присел отдохнуть. День хороший, светлый, солнышко пригревает. Вдруг слышит Володя — вроде утка крикает, схватил ружьё да и пальнул. А в ответ на выстрел — женский крик. Подхватился Володя, на крик кинулся. А там Аннушка лежит, рядом корзинка с клюквою валяется. Трясётся Володя:

— Я тебя убил? Убил?

А Аннушка ему сквозь слёзы улыбается:

— Ноги, только ноги...

Весь заряд дроби попал Аннушке в икры. Порвал Володя рубашку, перевязал раненой Аннушке ноги да и понёс её. Корзинку с клюквой, ружьё, рюкзачишко оставил под осиной: мол, завтра всё заберу.

Нелегко пришлось Володе: он, конечно, парень крепкий, но ведь и Аннушка не пушинка. Однако донёс, сразу в больницу сдал.

Аннушку помыли, переодели — и на операционный стол.

Тридцать семь дробинок доктор Плотников достал. Он очень настаивал, чтобы Аннушка написала заявление в милицию на Володю, чтобы другим горе-охотникам было неповадно в людей стрелять. Но Аннушка жаловаться наотрез отказалась.

А Володя в эту ночь уснуть не смог, хотя и устал очень. Всё стояло у него перед глазами лицо, залитое слезами и лучистое глазами, свет этих глаз тревожил Володю, и сердцу было неловко в груди.

Пролежала Аннушка в больнице двенадцать дней. Володя ходил к ней и всё удивлялся, как это он мог её раньше не замечать: краше-то её никого нет. И Аннушка расцвела: полнота с неё сползла, глаза от счастья сияют — и правда красавица.

В самом начале зимы Володя и Аннушка поженились. Родила она Володе двух сынов и дочку. Жили они в любви и согласии.

А вот прозвище Уточка приклеилось к Аннушке навсегда.

КАК ВОЛОДЯ ПО МАЛИНУ ХОДИЛ

Малины в тот год уродилось видимо-невидимо. Вот жена и давай Володю пилить: сходи да сходи по малину.

Уговорила. Собрался Володя: сапоги, телогрейку, шапку зимнюю — не от холода, а от гнуса, дёготь взял — руки, лицо помазать, а вот накомарник Володя не взял, не может он в накомарнике, воздуха не хватает. Корзинку взял побольше, кинул в неё пару огурцов, кусок хлеба, бутылочку воды.

И пошёл Володя по малину. До малинника километра три с гаком, но быстро дошёл. Только кусты развёл — и ахнул: малины много, висит гроздьями, красным-красно.

А малина крупная, сладкая. Берёт, в корзину кидает и в рот не забывает. Вкусно! Так от куста к кусту всё дальше Володя по распадку вглубь движется. А малинник всё гуще, и всё чаще под ногами колоды, полусгнившие деревья, что росли здесь в давние времена. Вот впереди огромная ель, и лежит высоко. Стал Володя через колоду перелезать: сел, ноги перекинул, встаёт, а под ногами мягкое, живое.

Медведь!

Лежал косопалый, отдыхал, малинкой полакомившись. Володя как понял, на что он наступил, заорал благим матом, махом колоду перемахнул и ну драть, света не взвидя. А и медведь подскочил, рывкнул что было мочи, ещё Володе жару поддал.

Бежит Володя: корзинку потерял, шапку потерял, о кусты весь ободрался. Бежал-бежал, пока сил хватало. О корягу зацепился, упал, голову руками закрыл, ждёт, когда медведь его драть начнёт.

Полежал, отдышался — тишина, только звон комариный. Сел Володя, отёр лицо, посидел — тихо.

Встал, прислушался: ничего не слышно. «А и был ли медведь? Пойти, что ли, хоть корзинку да шапку отыскать?»

Пошёл потихоньку, добро, как бежал — тропу пробил, не собьётся. Шёл он, шёл и корзину нашёл, правда, уж без малины, потом и шапку. Потом решил до колоды дойти, посмотреть. Вот она и колода. Перелез, медведя не слышать, а вот он где лежал, тут и шерсть, и трава умята. Идёт Володя дальше.

Медведь дорогу проторил — на телеге проехать можно. И кучи медвежьего помёта тропу устилают. А вот и сам медведь лежит, не шевелится.

Постоял Володя. Страшно. Потом осмелел, палку взял длинную, потыкал тушу сначала издали, потом ближе подошёл. Мёртвый медведь!

Видно, приключилась с ним медвежья болезнь. Со страха помер, сердце разорвалось.

Так и вернулся Володя домой без малины. Зато медведя добыл.

НА ПАСЕКЕ

Известно, что пчёлы не любят запаха табака, спиртного, резких духов. Известно-то известно, только не все соблюдают.

Держали наши родители пчёл. Маленькая пасека, всего четыре колодки. Мама наша, Валентина Фёдоровна, любительница была. В основном сама и управлялась, иногда только отец помогал.

Вот начали пчёлы роиться. Тут одному никак, нужна помощь. Крикнула отца, а он с соседом выпивал по случаю. Однако прибежал, надел на голову сетку, дымарь взял. Мама с ведром воды, с веником, с лукошком. Всё вначале шло хорошо. Да учуяли пчёлы запах спиртного — и дымарь не помог. Глядим в окно: отец наш дымарь бросил, бегом за ворота в крапиву, а за ним туча пчёл.

А он уже назад со всех ног — да в баню. Тем и спасся. Пришлось маме с роем одной справляться. Отец из бани вышел, когда всё было кончено и новая колодка «получила прописку». А вышел весь покусанный, лицо распухло, глаза заплыли. Целых три дня, чтобы глазом взглянуть, рот открывал. С тех пор к пчёлам подходил исключительно в трезвом виде.